

АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПРОСОВ

Юрий ЛЕВАДА

Отложенный Армагеддон?

Год после 11 сентября 2001 г.

в общественном мнении России и мира

События 11 сентября 2001 г. взбудоражили мир на уровне социальных ценностей и ожиданий, может быть, даже сильнее, чем на уровне политических действий. Их прямое и опосредованное влияние на состояние умов, на общественное мнение в разных уголках мира имеет свою внутреннюю логику и сохранится надолго независимо от развития "фактической" стороны событий, т.е. собственно политических, экономических, военных и прочих последствий. На протяжении года можно было заметить значительную — и поучительную — динамику обострений и спадов напряженности, смены моделей восприятия, доверия и недоверия к предлагавшимся трактовкам событий. Как это обычно бывает в ситуациях чрезвычайных потрясений, на поверхность общественного внимания, притом на глобальных масштабах, вышли незаметные или неартикулируемые обычно структурные элементы общественных процессов. Недоумение и эмоциональные эффекты первых дней сменились поисками рамок какого-то упорядоченного восприятия смысла происшедшего как в политическом, так и в массовом сознании. Рамки эти чаще всего оказались "старыми", сформированными из наличного материала и прошлого опыта. Правда, и меры противодействия предполагаемому, почти неизвестному противнику до сих пор, как правило, воспроизводят те, что были отработаны в иных условиях по отношению к иным силам.

Эти трансформации и составляют предмет исследовательского интереса в настоящей статье. В качестве аналитического и иллюстративного материалов, кроме данных ряда опросов ВЦИОМ, использованы также опубликованные материалы некоторых зарубежных институтов общественного мнения*.

Симптоматика шока. Для первоначальной общественной реакции на события 11 сентября 2001 г. кажется подходящим термин "социальный шок". С его помощью можно описать такое состояние регулятивных механизмов общества, когда обычные способы восприятия, понимания и реагирования на какое-то чрезвычайно сильное и угрожающее внешнее воздействие оказываются неэффективными. В ситуации шока внимание теряет свой предмет, понимание — рамки, воображение — границы. Тем самым происходит отключение обычных защитных систем, распределяющих внимание, восприятие и пр., т.е. обеспечивающих "нормальный" когнитивный и эмоциональный баланс общества, идет поиск иных, экстраординарных механизмов. Отсюда — реакции растерянности и как будто всеохватывающей тревоги.

В общественном восприятии масштаб произошедшего определялся не количеством жертв, а скорее предполагаемыми последствиями, далеко выходящими за локальные и национальные границы. По данным опроса Гэллапа, спустя полгода после события, в марте 2002 г., 80% американцев сочли террористическую акцию 11 сентября

* Все приводимые данные по России получены в регулярных опросах ВЦИОМ. (Опрашивалось по 1600 человек по все-российской выборке. Ссылки на зарубежные исследования даются в тексте.)

"самым трагическим событием" своей жизни (*CNN/USA Today/Gallup Poll. 2002. March*). Первые впечатления опрошенных по горячим следам события: их жизнь "изменится навсегда" (74%), только 21% надеялся на то, что она "вернется в норму" (*Ipsos-Reid Poll. 2001. Sept. 11*). 37% англичан сочли, что после теракта в США мир стал менее безопасным, чем во время войны в Персидском заливе, 41% — менее безопасным, чем во время вьетнамской войны, 45% — менее безопасным, чем во время "холодной войны" (*MORI. 2001. Sept.*). Солидные российские газеты сообщали о случившемся под шапками "Армагеддон?", "Третья мировая?" и т.п.

Возможными последствиями объявляли то новый всемирный порядок, то новую — или даже "последнюю", грозящую уничтожением человечества — мировую войну. Согласно одному из опросов ВЦИОМ, проведенных в Санкт-Петербурге, 53% опрошенных согласились с тем, что это нападение террористов на США означает "поворотный пункт в истории мировой цивилизации", тогда как 41% усмотрел в случившемся просто "очередную трагедию XX века".

В числе факторов, которые потрясли, правда, по-разному мировое общественное мнение в различных странах:

— неожиданность нападения. В сентябре 2001 г. США не имели воинственной конфронтации ни с какими исламскими странами, кроме Ирака, причастность которого к событиям 11 сентября ничем не подтверждена;

— бесчеловечная жестокость убийства тысяч людей. На этом фоне неизбежная гибель самих террористов выражает не героическое самопожертвование, а только презрение к человеческой жизни, включая собственную. В России только 11% сочли, что нападавшим нельзя отказать в "героизме". Даже в Пакистане 64% городского населения против 26% расценили произошедшее как акт террора, а не "джихад" (*Gallup-Pakistan // Sofres.com. Oct. 2001*);

— тщательная продуманность, расчет, рациональность подготовки и организации, сравнимой по типу, но не по масштабам, с рациональной организованностью известных в XX в. форм социально-организованного насилия, варварского преступления;

— неспособность защититься от такого удара в обществе, обладающем развитыми современными институтами и технологическими системами безопасности; в результате — невиданное и неожиданное национальное унижение США и предупреждение для всех стран, которые полагаются на демократические институты;

— анонимность не только участников, но и целей акции, как демонстративных, так и неявных, что отличает акцию 11 сентября от "обычных" террористических действий на Ближнем Востоке, на Северном Кавказе, в Кашмире и т.д. Отсюда, естественно, возможность самых разнообразных, фантастических, масштабных и ужасающих предположений, в том числе о глобальной войне или грядущей глобальной катастрофе. Ответы на вопросы, кто (дело не в именах, а в силах, организациях, идеях), почему и с какими целями совершил нападение, как представляется, и сейчас отсутствуют и в государственно-полицейском, и в массовом сознании.

Выделим три основных (эмпирически не строго взаимоисключающих) типа эмоционально окрашенных непосредственных реакций на террористический удар 11 сентября.

Во-первых, то, что в сентябрьском опросе ВЦИОМ 2001 г. зафиксировано как "сочувствие, возмущение, тре-

вога, страх". Помимо "просто" человеческих компонентов в такой реакции, характерной преимущественно для общественного мнения европейски ориентированных стран, в ней можно усмотреть и некоторые другие составляющие. В том числе стремление к самосохранению, как социальному (в смысле европейской цивилизации), так и индивидуальному. Угроза распространения новой волны террора на другие страны казалась особенно реальной в первые "после сентябрьские" недели. В конце сентября 2001 г. 80% опрошенных в России против 15% сочли, что террористическая акция является не внутренним делом США, а касается всего мира. Через год, в августе 2002 г., это мнение сохранили 70%, соответственно доля несогласных выросла с 15 до 26%. Просматривается непосредственная связь между представлениями о глобальной и личной опасности такой акции: и в 2001 г., и годом позже чаще всего отмечают всемирную угрозу террора те, кто видит ее опасность для себя лично. Правда, если сравнить показатели опросов сентября 2001 г. и августа 2002 г., то получается, что число опасующихся стать жертвами террора в России практически не изменилось (соответственно 78 и 76%). Можно предположить, что в данном случае вербальная реакция, спровоцированная анкетным вопросом, не вполне отражает все стороны отношения населения к опасной ситуации, например, возможно, признание опасности на словах при не вполне серьезном к ней отношении. Примеры подобных диссонансов в отечественном общественном мнении общеизвестны.

Во-вторых, реакции прямо противоположные: злорадный восторг по поводу унижения и поражения сильнейшей великой державы, носителя "мирового зла". Как известно, в том числе из наглядных, телевизионных источников, так реагировали многие и на Ближнем, и на Дальнем Востоке. Это прежде всего эмоции значительной части населения в арабских и мусульманских странах (на официально-правительственном уровне почти всегда декларативно были выражены политлояльность и симпатии в отношении США). Кроме того, к этим позициям близки те левые в Европе и Латинской Америке, которые рады всякому поражению центра мирового капитализма, надеясь, что это приблизит его конечную гибель. В России такой была реакция 5% опрошенных в сентябре 2001 г. Можно предположить, что за восторженными или просто одобрительными реакциями на акцию террористов кроется пучок мотиваций — от социальной ущемленности до религиозного и национального фанатизма.

Третья позиция более сложна, а потому и более важна для рассмотрения. При некотором упрощении ее можно представить как определенное сочетание первых двух. В сентябре 2001 г. 50% (а в августе 2002 г. 52%) опрошенных в России согласились с тем, что "американцы получили по заслугам", испытав на себе то, что переживали в свое время люди в Хиросиме, Вьетнаме, Югославии, Ираке и т.д. Насколько известно, подобный довод работает в умах многих, даже европейцев, не говоря об азиатских и мусульманских странах. Так выходит на свет довод потаенного удовлетворения — оправдания, прикрытый всплесками сочувствия и пр. При этом не как акт нарочитого лицемерия, а как выражение сложности, многослойности самого общественного мнения.

Объяснить такую позицию, скажем, скрытым самодовлеющим "антиамериканизмом" нельзя хотя бы потому, что ее разделяет значительная часть людей, хорошо относящихся к США, возмущенных актами террора 11 сентября, сочувствующих его жертвам. Из числа опрошенных, обозначивших свое отношение к США как "очень хорошее" и "хорошее", согласились с формулой "досталось поделом" в сентябре 2001 г. 44% (против 48%), в августе 2002 г. — 46% (против 48%). Из тех, кто считал, что теракты в США

"касаются всего человечества", в 2001 г. одобряли такую формулу 47%, в 2002 г. — 46%. Сразу после сентябрьских событий согласие с ней высказали 44% сочувствовавших, 42% возмущенных, 45% встревоженных. Не так трудно понять, почему среди настроенных враждебно заметно преобладает согласие с формулой "досталось поделом": у испытавших "удовлетворение" атакой террористов доля согласных с этим достигает 96%, у "недоумевающих" — 61%, у плохо относящихся к США — 75% в 2001 г. и 67% годом позже. Вопрос в другом: как объяснить, что почти половина симпатизирующих американцам и жертвам террора занимает аналогичную позицию?

В этом парадоксе можно усмотреть очередное подтверждение того, что само общественное мнение является сложным, многослойным образованием, разнородные компоненты которого в одних ситуациях как бы уравнивают друг друга, в других — обуславливают резкие колебания массовых настроений (например, тех, что мы наблюдаем за последние годы в отношении и к Соединенным Штатам, и к чеченской войне). При отсутствии устоявшихся традиционных рамок движения таких настроений, а также факторов их чрезвычайной мобилизации каждая реакция одобрения или осуждения относительна (по модели "да, но...", "нет, но..."). Поэтому в общественном мнении не существует ни простого и примитивного образа США, ни безоговорочных симпатий, ни абсолютного "антиамериканизма" (на этом придется остановиться позже).

"Рутинизация" шока. Рано или поздно всякий шок проходит — человеческий или социальный, каким бы глубоким и масштабным он ни был. В принципе это означает восстановление деятельности когнитивных, эмоциональных, активных механизмов (рамок, средств), которые были "выключены" в шоковом состоянии. Способы такого восстановления могут быть разными: размещение новых, уже несколько ослабленных раздражителей в существующих рамках понимания и, соответственно, в привычных терминах ("старые мехи", "прокрустово ложе" и т.п. — именно такие процедуры, скорее всего, правомерно определять как рутинизацию). Привычная "боль", привычное "удивление" и пр. уже, как известно, не столь разрушительны и опасны. Рутинизация может приобретать и сугубо символические или терминологические формы, когда необычное явление именуют привычными словами или "отделяются" от него с помощью чисто символических процедур. Нужно подчеркнуть, что в качестве таковых иногда выступают не только чисто ритуальные, церемониальные акции, но и вполне "тяжеловесные" политические, финансовые, военные меры, которым придается символическое значение, например, борьбы с "мировым злом", "сатанинскими силами", удар по привычному или воображаемому противнику при неспособности поразить реального врага и пр. Собственно говоря, символическую нагрузку несли как сам террористический удар 11 сентября, так и большинство контрмер. В результате энергия необычного раздражения как бы расходится по привычным каналам, тем самым обеспечивается, по крайней мере на время, сохранение существующего баланса и дисбаланса отношений в мире.

Если продолжать осторожные аналогии, можно сказать, что рутинизация не устраняет фактор чрезвычайного воздействия, а как бы прячет, загоняет его вглубь. Взрыв превращается в процесс, чрезвычайная ситуация — в обыденную, война — в серию обычных полицейских операций, социальная катастрофа — в злонамеренную интригу или даже в дезинформацию. Наш собственный опыт дает немало примеров использования подобной схемы, а также скрытой, отложенной опасности этого. Рутинизация означает не устранение необычного фактора и не его забывание (устранение из значимой социальной памяти), а лишь

вытеснение его в сферу знакомого и привычного. Другой, значительно менее распространенный (или труднее реализуемый) способ преодоления социального шока — формирование новых когнитивных и поведенческих инструментов, соответствующее расширение и усложнение рамок восприятия, адекватных новым феноменам.

За год, прошедший после взрывов 11 сентября, главным, если не единственным, средством преодоления шока (и в американском национальном, и в российском, и в мировом масштабах) служила его рутинизация. Не имея ни желаний, ни времени доискиваться до глубоких причин произошедшего, не сумев в кратчайший срок обнаружить и обезоружить конкретную террористическую организацию, ее руководителей и исполнителей, американское политическое руководство — кстати, понукаемое собственным и мировым общественным мнением к немедленным и показательным акциям возмездия — вынуждено было искать буквально "под ближайшим фонарем" предмет для ответного удара. Фактическое снижение уровня "цели" — от "сатанинской" "Аль-Каеды" до реальных и не способных оказать сопротивление талибов в Афганистане, соучастие которых в террористических акциях вряд ли шло дальше укрывательства. (Пока неясно, станет ли следующим этапом рутинизирующего снижения уровня цели удар по иракскому режиму.)

Вполне аналогичные механизмы рутинизации можно обнаружить и в многообразных попытках уложить феномен 11 сентября в какую-то привычную, отработанную (а потому кажущуюся понятной...) рамку восприятия и понимания. Одним из вариантов оказывается при этом измельчение или локализация события в серии деталей, привычных — в рамках определенных когнитивных или масскоммуникативных комплексов — стереотипов. Как известно, в качестве предполагаемых виновников, помимо "Аль-Каеды" и Бен Ладена, на протяжении года назывались власти, военные, спецслужбы США и России/СССР, сионисты, левацкие группировки в США и Латинской Америке, конкурирующие исламские фракции в арабских странах и т.д. Каждая из таких версий апеллирует к каким-то аргументам и находит своих сторонников. При том, что российская официальная элита демонстративно принимает и использует в собственных интересах трактовку событий, предлагаемую администрацией Дж.Буша, в отечественной прессе широкое хождение имеет нарочито антиамериканская версия (организаторами акции объявляются то ли ФБР, то ли американский ВПК и пр.).

Прямое следствие привычных трактовок событий — попытки свести противодействие им к стандартным военно-полициеским акциям, к тому же испытанным в иных условиях, например, использовать дистанционные средства военных действий ("югославского" образца) в Афганистане, возможно, в Ираке.

Другой вариант того же, по существу, явления — идеологически или религиозно обосновываемая "глобализация" явления, когда события 11 сентября 2001 г. пытаются вывести из "природы ислама", из "противостояния цивилизаций" или из установок "мирового терроризма" (явно фантомного понятия, которое находит весьма подходящую почву там, где живы призраки бесов из "Бесов", "мировых" революций и контрреволюций, и где постоянно требуются оправдания собственного бессилия на чеченском и иных фронтах). Подобная "локализация наоборот" растворяет феномен "сентябрьского" террора в призрачных, лишенных определенности конструкциях*.

* Недавно З.Бжезинский упрекнул американские власти в том, что они говорят о терроризме в "полурелигиозных" терминах "злодеи", "зло", за которыми — "историческая пустота". Выходит, что бессердечные террористы действуют под влиянием какого-то сатанинского наития, без всякой мотивации... Между тем у каждого теракта есть политическая почва" (Московские новости. 2002. № 35. 10-16 сент.)

В данном случае нас, разумеется, интересует не правдоподобность определенных криминологических версий, а "социологическая" структура феномена. К ней можно отнести, кроме мотивации и способов оправдания участников и соучастников, пособников совершенного теракта, характер и истоки их социальной поддержки, использование сложившейся ситуации различными правительствами, политическими силами, непосредственные и дальние реакции общественного мнения на перечисленные компоненты явления. А также и воздействие общественного мнения в разных странах на развитие обстановки, на выработку контрмер, на переоценку стереотипов восприятия ряда феноменов, на ожидания в отношении лидеров и т.д. Собственно говоря, для понимания социальных последствий не столь важен "первоначальный" какой бы то ни было кризисной ситуации, сколько возможности динамики этой ситуации, которые обусловлены ее собственной структурой, прочностью, способностью реагировать на внешний удар и т.д.

Сферой рутинизации можно считать и эволюцию анти-террористической коалиции, которая была провозглашена (сразу после 11 сентября) как небывалое, казавшееся невероятным единение стремлений и сил почти всех стран мира, вплоть до Китая, России, даже Ливии и т.д. Реальное участие в единственном коллективном действии коалиции (афганской операции) у большинства примкнувших к ней было, как известно, различным. Факторы участия, по всей видимости, тоже — опасение стать жертвой аналогичного нападения, стремление использовать анти-террористическую ситуацию в собственных интересах, уступка американскому давлению, наконец, боязнь выглядеть сторонниками террористов. Показателен разброд в коалиции при повороте следующего предполагаемого удара в сторону Ирака. Похоже, что постсентябрьская международная коалиция разделит участь всех ситуативных военно-политических блоков (XIX–XX вв.), в которых каждый руководствуется собственными интересами, даже когда существует общий противник, и которые привычно расходятся в разные стороны по завершении кампании.

Актеры и зрители. Модель взаимодействия "актерского" и "зрительского" участия в разыгрываемых на мировой арене событиях представляется пригодной для анализа некоторых существенных сторон рассматриваемой проблемы. (Вослед за Т.Парсонсом участники социального действия в социологических текстах обычно именуется актерами; в данном же случае доля демонстративности в действиях разных сторон и террористов, и их противников, а также соучастников, сторонников и т.д. столь велика и важна, что более уместно говорить об *актёрах*.)

Кроме того, ситуация такова, что на политической сцене, как уже отмечалось, отсутствуют "первичные" актеры, т.е. те, кто задумал и совершил операцию 11 сентября. По сути дела, все, что мы до сих пор знаем об этом, — продукт догадок со стороны простых зрителей (или экспертов, т.е. более квалифицированных зрителей). Но "зрелищность", эффект наглядности, по всей видимости, входили в расчет организаторов акции*. Как и выбор целей — зданий, имевших не столько практическое, сколько важнейшее символическое значение для американцев.

В ходе развития политических последствий акции на первый план вышла проблема не столько поисков конкретных виновников, сколько использования создавшейся ситуации для "своих" (с точки зрения различных деятелей и сил, "вторичных" актеров). Соответственно, в настроениях "зрителей" главным оказывается не столько осуждение

* Как выразился один из соучастников или сторонников террористического нападения, "мы использовали самолеты и телевидение..." (Газета. 2002. 11 сент.)

Общественное мнение США о причинах акции террористов
(в % от общего числа опрошенных; 100% по строке)

Причина акции	Основная причина	Не основная	Вовсе не причина	Нет ответа
Связи США с Израилем	68	21	5	6
Возмущение военным и экономическим могуществом США	64	22	9	5
Возмущение американским присутствием в Персидском заливе	53	32	11	4
Экономические трудности мусульманских стран, вызванные мировым капитализмом	37	36	20	7
Возмущение американской культурой, кино и пр. в мусульманских странах	28	39	26	7

Источник: *Newsweek Poll. 2001. 20-21 Sept.*

конкретных виновников, сколько оценка действий "вторичных" действующих лиц и организаций. Иначе говоря, важна не сама борьба с предполагаемыми виновниками террора, а одобрение различных инстанций, демонстративно занятых этой борьбой, в общественном мнении своей страны. Это значит, что сами "зрительские" оценки (позиции общественного мнения), формируемые, как водится, под воздействием масс-медиа и политической рекламы, выступают в активной роли укрепления или низвержения авторитетов. Разумеется, это весьма упрощенное представление реальных механизмов взаимодействия и трансформации ролевых функций в системе "актеры—зрители".

Очевидный интерес представляет сопоставление американских и российских "зрительских" представлений о причинах террористической акции.

В сентябре 2001 г. российские граждане сочли, что террористами прежде всего двигали "ненависть к США" (45%) и религиозный фанатизм (45), чувство мести за бомбардировки и преследования (29), безумие (27), зависть к богатым странам (13), неприятие всей современной цивилизации (9%). По данным другого опроса (сентябрь-октябрь 2001 г.), — религиозный фанатизм (42%), ненависть к США как к символу западной цивилизации (35), стремление запугать людей, живущим по иным законам и традициям (31), желание посеять в мире хаос и беспорядки (30%). В основном, как видим, повторяются в разных вариантах два фактора — ненависть к США и религиозный фанатизм.

А как восприняли причины нападения американцы, видно из данных таблицы 1.

Согласно другому опросу, проведенному в США в те же дни, в качестве причин ненависти террористов к Америке назывались "демократия и свобода" (26%), поддержка Израиля (22), ценности и образ жизни американцев (20), экономическое влияние США на Ближнем Востоке (11%) (*Har-ris Poll. 2001. Oct.*). В те же дни 32% американцев высказались за ослабление связей с Израилем, чтобы уменьшить опасность террористических нападений на США, 50% с этим не согласились (*Newsweek Poll. 2001. Sept. 13-14*).

Между тем в Пакистане при распределении мнений о том, кто несет ответственность за нападение на США, прежде всего называется Израиль (48%), далее — сами американцы (25), заметно реже — Усама Бен Ладен (12) и палестинцы (10%) (*Gallup Pakistan. 2001. 11-12 Oct. Опрос городского населения в четырех провинциях*). Примечательно при этом, что хотя чуть больше половины (51%) пакистанцев одобряют поддержку США со стороны президента П.Мушараффа, для 82% Бен Ладен — муджахеддин, т.е. героический воин, и только для 6% — террорист. Вероятно, подобное распределение мнений присуще населению многих мусульманских стран, особенно тех, в которых существуют явные различия между установками политической элиты, вынужденной считаться с существующей

расстановкой сил в мире, и воинственно настроенной контрэлиты, имеющей массовую поддержку. (К сожалению, результаты проведенного осенью 2001 г. американским Гэллопом большого опроса в 12 таких странах недоступны для исследования и публикации.)

Строгое сравнение данных, полученных в разных концах света, конечно, невозможно, тем более, что и вопросы ставятся неодинаково. Но общую направленность результатов сопоставить все же можно. Ситуация напоминает известную притчу о слепых, которые с разных сторон ощупывают слона — у каждого свои представления о предмете. На деле, разумеется, каждая сторона (или группа "зрителей") рассматривает события в свете собственных стереотипов восприятия; если же иметь в виду не просто "рядовых" зрителей, а власть и силу имущих, то в публично выраженных оценках неминуемо присутствуют и собственные интересы. Как видно из приведенных выше данных, "израильский" фактор незаметен в представлениях россиян (благо, на него давно не делают упор в этом направлении власть и массовая пресса), но весьма важен во мнениях американцев и преобладает в мусульманской стране, даже образцово-"умеренной", как сегодняшней Пакистан.

Как правило, общественное мнение в разных странах, поддерживаемое традицией, формируемое под влиянием масс-медиа и политической рекламы, обладает большим запасом инерции, поэтому оно служит удобным проводником для возвращения ситуации "на круги своя", к привычным пристрастиям и стереотипам.

После анонимного удара 11 сентября 2001 г. в некотором смысле в роли "зрителей" оказались практически все, в том числе и американская администрация, озабоченная тем, как будут восприняты, прежде всего в собственном населении, ее ответные действия. Даже неуловимый Усама (или те, кто делает заявления от его имени) выдержал паузу, прежде чем заявить о своем отношении к событию. Несколько позже начался уже торг между многими участниками по поводу условий и цены "вторичных" действий (ответных, побочных, искусственно привязанных к акции террористов и т.п.). Так, П.Мушарафф, очевидно, пытался (возможно, для ослабления радикально-исламистской оппозиции) в обмен на поддержку США получить что-то вроде признания своих претензий на Кашмир. Аналогии с известными мотивами из области российско-американских отношений вполне очевидны.

Заслуживает внимания еще один аспект "зрительской" модели рассмотрения послесентябрьского развития мировых событий. Как отмечалось, "актеры" и "зрители" влияют друг на друга, могут и меняться местами. Но барьер между этими ролевыми позициями всегда в каком-то виде сохраняется. Та рутинизация "антитеррористической" коалиции, о которой говорилось выше, означает неумолимое превращение соучастников в зрителей, более или

менее симпатизирующих реально действующим силам (США и Англии). Но можно ли предположить, что подобный процесс происходит и "на другой стороне", т.е. среди поддерживавших или одобрявших теракт 11 сентября? Очевидно, что никакого явного, даже декларативного "единого фронта" исламских, арабских, радикально-военных сил не существовало никогда. Близость настроений не означает единства сил, в том числе и внутри соответствующих стран. Массовые "аплодисменты" террористам, которые были слышны в сентябре прошлого года, еще нельзя считать реальным антизападным, антиамериканским единением. Поскольку политическая и экономическая элита в мусульманских странах вынуждена, по крайней мере частично, принимать во внимание связи с развитыми странами Запада, хотя бы для продажи нефти, она сейчас отказывается от открытой поддержки наиболее воинственных настроений.

Выбор В.Путина. Отвечая на вопрос, что в первую очередь повлияло на решение В.Путина о поддержке американской позиции, 35% москвичей назвали представление о том, что теракты в США "направлены против всей современной цивилизации", 10% — расчет на решение экономических проблем (долги, тарифы), но чаще всего 44% — надежда на прекращение западной критики действий федеральных сил в Чечне.

Можно предположить, что для В.Путина выражение безоговорочной поддержки действиям американских властей явилось не столько непосредственной эмоциональной реакцией на события, сколько средством укрепить позиции России в мире и свои собственные позиции в сообществе мировых лидеров (в "большой восьмерке"). И в то же время — способом добиться от США и других западных стран если не одобрения, то признания в рамках общей борьбы против исламского терроризма своей политики, проводимой в Чечне.

Позиция В.Путина в данном случае в целом, как принято в последнее время, получает очень широкую поддержку в общественном мнении российских граждан: в августе 2002 г. 77% опрошенных сочли, что В.Путин поступил правильно ("определенно" или "скорее"), полностью поддерживая действия США под флагом борьбы с терроризмом. Однако, как видно из ряда опросных данных, такая поддержка сопровождается рядом оговорок.

Уже осенью 2001 г. опрошенные стали отмечать различия в позициях президента, других официальных лиц и, что кажется особенно странным на первый взгляд, средств массовой информации. К этому стоит добавить, что общественное мнение явно ощутило различия в оценках ситуации, исходящих из разных источников. Так, 46% опрошенных в октябре 2001 г. считали, что американскую военную операцию поддерживает В.Путин, 35% — что ее поддерживают и другие официальные лица в России, 29% — что такую поддержку выражают и российские СМИ. Пока можно лишь гадать, является ли эта разница результатом продуманного разделения функций между различными центрами власти и влияния или перед нами конфликт разных позиций внутри российской элиты, возможно, между разными группами давления на президента или между президентом и какой-то (военной, например) частью его собственного окружения.

С конца 2001 г. широкое распространение получили суждения о том, что В.Путин пошел на неоправданно большие уступки США, что в антитеррористической коалиции Россия оказалась в арьергарде, в подчиненном положении. Судя по некоторым публикациям, примерно в конце 2001 г. В.Путину пришлось столкнуться с сопротивлением своей декларативно проамериканской политике со стороны каких-то групп правящей элиты, возможно, и военных

деятелей. С попытками "охладить" отношения с США и оказать какой-то нажим на политику, с которой связал себя В.Путин, сопряжены активизация "шпионских" процессов в различных городах, серия официальных нападок на действия американских дипломатов в России, наконец, уже упоминавшаяся истерическая антиамериканская кампания вокруг зимней Олимпиады и куриных окорочков. Не только по тону, но и по стилю, по своей организованности эта кампания, оказавшая сильное и все еще частично сохраняющееся воздействие на общественное мнение, как будто воспроизводила худшие образцы времен "холодной войны".

Яростная кампания нападок российских политиков и масс-медиа на американскую политику в отношении России как будто прекратилась в марте 2002 г. после призыва В.Путина к сдержанности, что, кстати, подкрепляет предположение об организованном характере всей истерии. Остался, однако, довольно густой осадок — готовность к новым пароксизмам воинствующего противостояния, готовые стереотипы языка и стиля, даже готовые сюжеты (те же окорочка, импорт которых не дает покоя ни московскому мзру, ни общественному мнению в России). Назревающая конфронтация позиций вокруг Ирака, по всей видимости, даст новую почву для возвращения к тому же стилю политических настроений.

Российские демократы немедленно поддержали "американский поворот" В.Путина, видя в нем желанный шаг к демократизации общества по европейско-американским образцам. Скоро стало ясно, что этот шаг имеет несколько иное направление. Заявленное единство российского президента с американским в антитеррористической операции создало впечатление значительного укрепления международного авторитета России, а именно это поле деятельности В.Путина в последние годы представляется общественному мнению наиболее успешным. Обозначивший рост показателей одобрения деятельности В.Путина был использован президентом и его окружением для укрепления собственных политических и парламентских позиций. В данном случае от неудач в парламентских "играх" коммунистов выиграли отнюдь не демократы, а пропрезидентский чиновнический "центр".

В некоторых комментариях политика В.Путина после 11 сентября 2001 г. сравнивается с вынужденным поворотом Сталина к союзу с западными демократиями после 22 июня 1941 г. Определенная аналогия здесь просматривается, хотя и с большими оговорками. У Сталина в тот момент просто не было иного выбора, иного способа спасти собственную власть, как обратиться к военному союзу с западными противниками Гитлера. И во время войны, и сразу же после нее сталинское руководство использовало самые жестокие меры, чтобы не допустить западного демократического влияния на советское общество, особенно на интеллигенцию и молодежь. Для этого использовались идеологические кампании, репрессии, технические и политические конструкции "железного занавеса". Вынужденный обстоятельствами кратковременный союз закономерно уступил место длительной "холодной войне".

У В.Путина и его команды был иной выбор и иные риски. Можно было либо участвовать в коалиции во главе с США или остаться в стороне от нее, третьего варианта не существовало. Первый вариант обещал выигрыш в политическом и личном престиже, давал какие-то надежды на облегчение внешних финансовых обязательств, наконец, на уже упоминавшееся изменение оценок чеченской кампании. Второй вариант мог принести только проигрыши — международную изоляцию и, возможно, усиление традиционных антизападных сил (коммунистической оппозиции) в самой России.

Положение В.Путина побудило, даже вынудило его избрать и использовать в своих интересах первый вариант. Но вынужденное внешнеполитическое сближение с Соединенными Штатами используется нынешней правящей элитой России как некое прикрытие для того, чтобы сдержать или ограничить формирование "западных" политических моделей в стране*.

Чеченская тема. В более или менее откровенном виде предложение "обменять" поддержку США в борьбе с терроризмом "Аль-Каеды" на поддержку России в чеченской операции повторялось российской стороной несколько раз, начиная с первого послания В.Путина Дж.Бушу от 11 сентября 2001 г. до недавних заявлений российского президента и других официальных лиц в дни, когда отмечалась годовщина сентябрьских событий.

Общественное мнение нередко выговаривает то, о чем решаются только шептать политические лидеры. Ведь в массовом сознании копятая, аккумулируются, усиливаются и упрощаются многократно повторенные масс-медиа и политическими авторитетами скрытые намеки и осторожные недоговорки. Так, в декабре 2001 г. 39% российских граждан надеялись, что, сближаясь с Западом, Россия получит послабления в выплате своего долга, 49% — что она получит экономическую помощь от западных стран, 55% — что "страны Запада будут более терпимо относиться к действиям федеральных сил в Чечне", а 62%, т.е. почти две трети, — что "страны Запада признают чеченских террористов частью мирового терроризма".

На первых порах попытки отнести военные операции в Чечне к борьбе с "международным терроризмом" оказали определенное влияние на российское общественное мнение: в октябре 2001 г. возросло число сторонников продолжения таких операций и снизилась доля их противников. Но спустя два-три месяца распределение мнений вернулось к прежним показателям, т.е. к преобладанию сторонников мирных переговоров, примерно в пропорции 2:1. Примечательная деталь: готовность отнести чеченских боевиков и сепаратистов к "мировому терроризму" в июле 2002 г. выразили 80% опрошенных, но продолжать военные действия хотели бы не более 30%. Видимо, это значит, что жупел "мирового терроризма" за год просто утратил свое мобилизующее действие ("рутинизация"?).

Уместно отметить, что распространившийся после сентября 2001 г. термин "международный терроризм" — пример малосодержательного и даже опасного словообразования. В контексте конкретных событий им обозначается размещение организаторов и исполнителей данного нападения на США в различных странах. Никто в мире пока как будто не относил к международному терроризму, скажем, террористические акции исламских фанатиков в Алжире, на Филиппинах, в Судане, в Египте или иных (уже христианских) фанатиков в Ирландии, Испании, наконец, "красных" боевиков в Колумбии, Непале и др. Сходные по способу исполнения, по бесчеловечности подобные действия в каждой стране имеют свои внутренние причины, как и факторы поддержки и противодействия. (Правда, в большинстве случаев там делаются попытки — иногда и удачные — отыскать мирный выход из кровавого конфликта.) Единственным исключением служит стремление российских деятелей, погрязших в чеченской войне, искать самооправдания в апелляциях к жупелу международного терроризма.

* "Через год после начала войны Америки с терроризмом наша борьба может быть просто украдена правительствами других стран и использована ими для репрессивной внутренней политики", — сетует З.Безинский (Московские новости. 2002. № 35. 10-16 сент.).

По всей видимости, идея "глобализации" чеченского конфликта не нашла серьезной поддержки на Западе. Более сдержанное, чем ранее, отношение к чеченской политике России со стороны США, особенно в первые месяцы после сентября, очевидно, служило средством привлечения России к коалиции.

"Образ Америки" с разных сторон. События 11 сентября выявили довольно сложный спектр установок по отношению к США — явных и скрытых, часто смешанных и противоречивых (на разных уровнях), в том числе недружелюбных, завистливых, мстительных и т.п., артикулированных или неявных, ориентированных иногда против "всего американского", иногда против определенных направлений или стиля политики, образа жизни, поведения по отношению к другим странам.

Почему именно США оказались объектом террористической атаки? Почему страна оказалась уязвимой для удара? Почему столь противоречива (и даже становится все более таковой) мировая реакция и на сами события и, тем более, на меры "возмездия", в том числе и среди ближайших партнеров Америки? Это лишь самые простые из проблем, которые служат предметом многочисленных дискуссий и публикаций в различных странах. Читателям "Мониторинга" известны как убедительный анализ истоков антиамериканских настроений в России, сделанный Л.Гудковым*, так и представленный Б.Дубиным обширный обзор антиамериканизма в европейских странах**. Упомяну также специальный номер влиятельного французского журнала "Эспри", посвященный "миру после 11 сентября"***.

Не повторяя сделанного коллегами, я хотел бы лишь рассмотреть некоторые данные, опубликованные в последнее время в России и за рубежом, и высказать соображения относительно возможной интерпретации этого материала.

Одно терминологическое замечание. Представляется необходимым отметить, что широко распространенное в политической и социально-научной литературе — и поэтому вполне работоспособное — понятие "антиамериканизм" имеет свои ограничения. Оно пригодно прежде всего для характеристики состояния чрезвычайной, военной или псевдвоенной (включая "холодную войну" и ее пароксизмы, наподобие упомянутых выше) конфронтации, когда все установки примитивизируются до модели "за или против". Как видно, в частности из указанных работ, реальный "спектр" или набор "уровней" отношений к Америке (стране, народу, власти, общественной системе) в такую модель никак не укладывается.

Обратимся к недавно полученным данным (май 2002 г.) о том, как видятся в общественном мнении россиян факторы, сближающие и отдаляющие друг от друга Россию и США. Более всего, по мнению опрошенных, наши страны сближают "совместная борьба с терроризмом" (51%), и "взаимовыгодный товарооборот" (28), реже упоминаются "интерес к жизни в другой стране, расширение личных контактов и взаимных визитов граждан для учебы, работы, отдыха" (18), миротворческая деятельность в различных точках планеты (18), обмен опытом в науке и высоких технологиях (16), борьба с болезнями и загрязнением среды (15%). В числе менее значимых по частоте упоми-

* Гудков Л. Отношение к США в России и проблема антиамериканизма // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2002. № 2.

** Дубин Б. Антиамериканизм в европейской культуре после Второй мировой войны // Мониторинг общественного мнения... 2002. № 3.

*** Esprit, août-septembre 2002. Le monde de l'après-11 septembre.

наний точек сближения — заинтересованность в экономическом росте и повышении благосостояния (8%), ценности свободного демократического общества (7) и "стремление сохранять и обогащать ценности современной цивилизации" (5%). Есть и люди (10%), которые убеждены, что "ничто не сближает сейчас наши страны". Отдаляют же Россию и США друг от друга прежде всего "высокомерное отношение американцев к другим странам и народам" (38%), стремление американских властей к расширению своего влияния и контроля во всем мире (36), попытки США защищать свои интересы в разных частях света с помощью "большой дубинки" (26), слишком большое различие в уровнях экономики и военной мощи двух стран (25%). Заметно меньше ссылок на "низкопробную массовую культуру" (11%), нежелание США помогать бедным странам (11), "наследие холодной войны, нашей собственной изолированности от всего мира" (10), взаимная ненависть, подозрительность, неумение сотрудничать с другими странами и народами" (7), "антироссийская политика нынешнего руководства США (6), "непримиримость национальных интересов двух стран, взаимное недоверие и непонимание" (6%). Только 3% не находят ничего, что отдаляет наши страны друг от друга.

Как видим, и в позитивных, и в негативных оценках США преобладают практически политические и практически экономические проблемы и методы. Причем на первом месте — сугубо актуальные обстоятельства (положительное — совместная борьба с терроризмом, отрицательное — стиль американской внешней политики). Весьма редко упоминаются национальные ценности, интересы, культурные факторы, а также ситуации, в которых ответственность отнесена к обеим странам: наследие "холодной войны", недоверие, подозрительность. Общественное мнение, как обычно, фиксирует внимание на сиюминутном, не придавая значения причинам, историческим корням определенных отношений.

Присмотримся теперь к данным таблицы 2, показывающим, с какими представлениями связан образ США в общественном мнении России и Франции.

Получается, что в России заметно выше, чем во Франции, оценивают *богатство, прогресс, свободу* в США. А французы гораздо больше внимания обращают на такие черты американской жизни, как *насилие, могущество, неравенство, расизм, империализм, а также наивность*. Примерно одинаково часто в обеих странах отмечают "падение нравов" американцев. Таким образом, во Франции, общественные порядки которой не столь далеки от американских, значительно чаще выделяют те особенности США, которые представляются нежелательными*. Следует принять во внимание, что, по всем данным, во французском обществе остаются весьма влиятельными идеи социального равенства и справедливости. Для россиян же, как будто стремящихся позабыть собственное социалистическое прошлое, наиболее приметными оказываются те характеристики Америки, которые вызывают у них зависть. (Ведь, по результатам опросов общественного мнения, в России больше всего завидуют

* Как отметил известный французский публицист Филипп Роже, "Франция — единственная из европейских стран, которая никогда не воевала с США, с давних пор имеет самый высокий в Европе уровень антиамериканизма"; автор полагает, что дело в особенностях интеллектуальной культуры французов (*Esprit*. P. 176). Ср. также аналогичную трактовку проблемы в упомянутой статье Б.Дубина. Небольшой добавочный штришок: в августе 2002 г. во Франции обнаружилось только 3% желавших, чтобы США остались единственной сверхдержавой, а 91% сочли, что такой статус должна приобрести и Европа (в среднем по европейским странам соотношение мнений 14:65) (*Worldviews 2002 Survey*).

Таблица 2

Какие слова, на Ваш взгляд, более всего подходят для описания Соединенных Штатов Америки?
(в % от общего числа опрошенных в каждой стране)

Ключевые слово	Россия*		Франция**	
	Место	%	Место	%
Богатство	1	57	5	39
Прогресс	2	41	6	34
Могущество	3	39	2	66
Свобода	4	36	8	16
Насилие	5	20	1	67
Падение нравов	6	17	9	14
Империализм	7	16	6	23
Неравенство	8	16	3	49
Расизм	9	12	4	42
Молодость	10	8	10-11	7
Наивность	11	4	10-11	7
Великодушие	12	3	12	4

* Опрос ВЦИОМ. 2002. Август.

** Опрос SOFRES. 2002. Июнь.

богатым...) А традиционные объекты советской критики США — неравенство, расизм, империализм — явно отошли на второй план в массовых представлениях об этой стране.

Согласно исследованию, проведенному во Франции в ноябре 2001 г., в целом 65% французов отметили, что они испытывают скорее симпатии к США, только 5% выразили антипатию, 29% не выразили ни тех, ни других чувств. Примечательно, что в этой стране симпатизируют США скорее левые, чем правые, более всего рабочие и коммерсанты. По мнению французов, США играют скорее позитивную роль в развитии демократии и прав человека в мире, а также в снижении международной напряженности, а отрицательную — в поисках решения израильско-палестинского конфликта и в экономическом развитии бедных стран (www.sofres.com).

Вернемся, однако, ближе к обсуждаемой теме. То, как представляли американцы оценку населением других стран ответственности США за произошедшие события, можно проследить по данным, приведенным в таблице 3.

По данным опроса в шести европейских странах, проведенного в августе 2002 г., 55% европейцев сочли одним из поводов для теракта 11 сентября американскую внешнюю политику (*Financial Times*. 2002. Sept. 4).

Чем объясняется столь широкое, даже по мнению американцев, распространение негативных установок в отношении США?

Таблица 3

Согласны ли Вы с тем, что, по мнению многих людей, США сами несут ответственность за ненависть к ним, которая привела к террористическому нападению?
(в % от общего числа опрошенных)

Вариант ответа	В Западной Европе	На Ближнем Востоке
Да, так считают	38	59
Нет, так не считают	47	25
Затрудняюсь ответить	15	14

Источник: Pew Research Center Survey. 2001. Sept. 21–25.

Западноевропейцев, исторически солидарных с США, раздражают расчет американских властей на использование собственного военного и экономического могущества, неумение вести осторожные политические игры, нежелание считаться с мнением и интересами других стран, вынужденность следовать в фарватере американской политики.

В бывшем "третьем мире" многим представляется, что Америка силой и давлением навязывает им непривычный образ жизни. Единственно сильный в этом мире религиозный фактор — исламский — дает идеологическую опору этим настроениям.

Наконец, в России к этим факторам добавляется горечь собственных поражений в стремлении к мировому величию, в попытке влиять на развивающиеся страны. К этому комплексу подавленности добавляется вынужденное следование американской политике

В мире достаточно велик ресурс взаимного недружелюбия, подозрительности, зависти и пр. (все эти характеристики межличностных отношений для отношений междугосударственных, межнациональных и пр. являются не более чем метафорами). Но ни одна страна в современном мире, по крайней мере после окончания советско-американского противостояния, не может собрать такую массу и такое "качество" негативных отношений к себе, как США.

Проще всего, следуя не изжитым в массовом и социально-научном сознании рудиментам "классового подхода", представить себе, что движущей силой является черная зависть бедных к богатым (самым богатым), слабых — к сильным (самым сильным), отсталых, "недомодернизированных" — к самым передовым и т.д. Насколько можно судить, в сентябрьских событиях действовали (и аплодировали им) не самые бедные и отсталые. Возможно, здесь больше пригодилась бы не одномерная, линейная модель общественного развития (прогресса, модернизации), а что-то вроде модели столкновения разных способов или путей такого развития.

Но ссылка на "негативные оценки" слишком слаба, чтобы хоть как-то объяснить то чудовищно расчетливое и чудовищно бесчеловечное по обычным меркам человеческой жизни безумие, которое двигало актерами 11 сентября. Никакая "нелюбовь", никакая обида или ссора между людьми или народами не объясняют перехода поведения за "рамки", определяемые культурой, цивилизацией, обычным и писаным правом. Значит, действует некая совершенно иная система стандартов и норм действия. Вопрос в том, кто носитель этой, условно говоря, "контрцивилизации", — некая организованная замкнутая группа типа секты, партии, движения заговорщиков или "иная" половина человечества?

Другая сторона проблемы, о которой, по всей видимости, стали больше задумываться где-то к концу минувшего годового периода — содержание действий самой "американской силы" до и после сентябрьских событий. Исключительность положения США, объяснимая историей и современной мощью, в том, что эта страна до недавнего времени (до Второй мировой войны) не участвовала в мировых делах, не имела своей внешней политики, а сейчас способна действовать по известному принципу — наличие сверхсилы избавляет от необходимости осторожности, ловкости, маневра, соотнесения с другими, т.е. того, что обычно входит в понятие политического искусства. И уже потому способна плодить недоброжелателей, в том числе, среди партнеров и союзников.

И поэтому именно США оказались мишенью террористической атаки, направленной — если верить наиболее распространенным интерпретациям — против всей современной цивилизации или каких-то наиболее одиозных ее проявлений. Как и любая иная акция массового террора, удар 11 сентября 2001 г. был направлен, скорее всего, на

то, чтобы посеять смятение и страх среди населения и элиты. А также на то, чтобы демонстративно унизить сильнейшую державу, показав миру ее уязвимость.

Спустя год. Развитие событий на протяжении года после 11 сентября 2001 г. позволяет проверить предположения об их социальном значении. Ожидания какого-то коренного поворота в мировых и общественных отношениях оказались нереальными и для положения США в мире, и для мировых "линий разлома" по осям Восток—Запад, теряющим значение, и Север—Юг, значение которых явно растет. Это относится и к отношениям России с Соединенными Штатами и всем "Западным миром". Но эти страны и "мир в целом", насколько можно пользоваться таким термином, отнюдь не вернулись "на круги своя", т.е. к положению, существовавшему до "того" сентября. (Как известно, ничто в мире не движется "по кругу", ничто и ничто не возвращается в исходную точку.) Если последствия пережитой встряски не всюду заметны сегодня, они могут стать видны позже, на каких-то следующих этапах, в иных формах.

В Соединенных Штатах, судя по опросам общественного мнения, на уровне повседневной жизни сохранились повышенные опасения в отношении авиаперелетов, небоскребов, а также мигрантов, но в целом жизненные привычки и настроения вернулись к своим стандартам. Исследования не показали возрастания роли религии или роста общей встревоженности, хотя сохраняются представления о большой вероятности новых террористических акций — в октябре 2001 г. этим были обеспокоены 43% населения, в сентябре 2002 г. — 38% (*Gallup Poll Analysis. 2002. Sept. 11*). Последнее, видимо, означает, что "актуальный" страх стать жертвой террора трансформировался в "потенциальный", в представление об отдаленной возможности события.

Особый узел проблем американской жизни — отношение к ограничению личных свобод при усилении мер общественной безопасности. Практика всякой "борьбы" по-прежнему к использованию чрезвычайных мер, вопрос в том, как они воспринимаются (и чем сдерживаются). Так, по мнению 53% российских граждан, усиление мер безопасности и возможность большего вмешательства в частную жизнь со стороны властей не создает угрозы гражданским правам; 52% считают такое вмешательство допустимым. Отвечая на подобный вопрос, поставленный в США ("Насколько беспокоит Вас то, что новые меры, направленные на борьбу с терроризмом, могут привести к ограничению Ваших личных свобод?"), 63% американцев сообщили, что такое вмешательство их беспокоит, 35% — что не испытывают беспокойства (*Associated Press Poll. 2002. Aug. 2-6*). Согласно опросам в ряде европейских стран и США, проведенным в августе 2002 г., ограничения гражданских и личных свобод после 11 сентября ощущались повсеместно, сильнее всего, естественно, в США, где их отметили 30% (*Gallup Poll Analysis. 2002. Sept. 9*). В сентябре 2001 г. ограничение некоторых гражданских свобод признавали необходимым 63% американцев (при 32% несогласных с этим), в июне 2002 г. — 49 против 45% (*Gallup Poll Analysis. 2002. Sept. 11*).

В отношении американцев к институтам государства, к президенту Дж.Бушу, ФСБ и др. можно усмотреть такие феномены, как "символическое доверие" и "реальные оценки" (определенных действий), известные по российским исследованиям последнего времени. Рейтинги президента (уровень одобрения деятельности), стремительно взлетевшие в сентябре 2001 г. почти до 80% сразу после нападения 11 сентября, за год опустились примерно до 65%, что означает все же чрезвычайно высокую поддержку населения. Понятно, что "взлет" показателей обусловлен не столько

Таблица 4
Кто выигрывает в войне с терроризмом?
(в % от общего числа опрошенных в каждом опросе)

Дата опроса	США	Никто	Террористы	Затруднились с ответом
Ноябрь 2001 г.	53	33	11	3
Январь 2002 г.	66	25	7	2
Май 2002 г.	41	35	15	9
Август 2002 г.	37	46	14	3

Источник: Gallup Poll Analysis.

Таблица 5
Побеждают ли США и союзники в борьбе против терроризма?
(в % от общего числа опрошенных в каждом опросе)

Дата опроса	Да	Нет	Не знаю
Октябрь 2001 г.	47	32	21
Ноябрь 2001 г.	67	15	18
Сентябрь 2002 г.	36	43	21

Источник: Fox News/Opinion Dynamics Poll.

действиями, сколько позицией, декларацией решительного противостояния терроризму, импонировавшей общественным ожиданиям в чрезвычайной ситуации.

Между тем "реальные" оценки действий властей в противостоянии терроризму показывают скорее отрицательную динамику на протяжении года (после подъема надежд на успех, обусловленных, видимо, ходом событий в Афганистане в конце 2001 г.). Ниже приводятся данные, полученные двумя американскими исследовательскими институтами (табл. 4 и 5).

Эти результаты сопоставимы с полученными в российских опросах ВЦИОМ. В августе 2002 г. антитеррористическую операцию США и союзников считали успешной 24% россиян, неуспешной — 62%. Как можно предполагать, нарастание пессимистических оценок антитеррористической операции вызвано тем, что организаторы акции 11 сентября 2001 г. не обнаружены, сохраняются возможности для повторения подобных нападений. Кроме того, в освобожденном от власти талибов Афганистане сохраняется неустойчивое положение. Лишь 15% американцев в августе 2002 г. сочли войну против террористических организаций в Афганистане успешной, 12% — неудачной, а 70% считают, что об этом "слишком рано говорить" (*Pew Research Center Survey. 2002. Aug. 14-25*).

В последнее время стали падать и общие показатели положения в США, которые отслеживаются по опросным данным. С июля 2002 г. соотношение оценок общего курса страны стало преимущественно отрицательным. На такие показатели очевидно влияют также экономическое положение в стране, коррупционные скандалы и пр. В этих условиях для поддержания высокого уровня общественного доверия президенту приходится искать варианты демонстративно активных действий, по сути дела, символических. В определенной мере с этим связаны планы акций против иракского режима.

Между тем на уровне национальной общности США сохраняется состояние символической патриотической мобилизованности (то, что называют там "равнением на флаг", rally around the flag). Этот традиционный для США общественный механизм сыграл важную роль в предотвращении массовой паники после 11 сентября, организа-

ции сбора пожертвований, торжественно-траурных церемоний памяти погибших и др. 50% опрошенных в августе 2002 г. сочли, что после сентября 2001 г. "Америка изменилась к лучшему", 15% — что произошли изменения в худшую сторону, 28% — что на деле изменений не произошло (*Associated Press Poll. 2002. 2-6 Aug.*). В том же ключе, по всей видимости, и распределение оценок действий различных структур в борьбе с терроризмом. В сентябре 2002 г. действия президента Дж.Буша в этой области одобряли 75%, конгресса — 67, а "американского народа" — 85%. Символическое сплочение граждан служит основой символического авторитета президента.

Правда, и здесь в последнее время наблюдается определенное ослабление эмоциональной мобилизации. В сентябре 2002 г. 34% американцев отмечали, что "чувства патриотизма и добрососедства" немного поблекли, 30% — что эти чувства поблекли в некоторой мере, 10% — что произошло это в значительной степени, 3% — что такие чувства исчезли совсем; только 19% сочли, что никакого увядания не произошло, а еще 1% не заметил и самого роста этих чувств (*Fox News Poll. 2002. Sept. 8-9*).

Предметом дискуссий остается вопрос о том, как повлияло развитие событий после 11 сентября 2001 г. на российско-американские отношения. Отмечая первую годовщину террористического нападения на США, политический обозреватель А.Тимофеевский утверждал: "За год, прошедший после 11 сентября, Россия продвинулась на Запад больше, чем за последние сто лет..."* Вряд ли можно подтвердить такой вывод какими-либо фактами. Колебания общественных настроений и тона масс-медиа в течение года показали, что ни масса населения, ни элита, включая политическую и журналистскую, не готовы к серьезному повороту в отношениях с Америкой. Инерция противопоставления интересов, вопреки всем декларациям на высших уровнях, а также и на уровне массовых опросов, слишком сильна, чтобы покончить со стереотипами "холодной войны".

В декабре 2001 г. 57% россиян полагали, что отношения между Россией и США за последние месяцы улучшились (по мнению 28% — ухудшились); в июне 2002 г. улучшение отношений после терактов в США усматривали 53%, ухудшение — 36%. Между этими точками — провал февраля-марта 2002 г. ("олимпийский" скандал), когда отношения как будто опустились до точки замерзания, когда только 7% отмечали сближение отношений между двумя странами, а 34% — их ухудшение; 37% считали наши страны союзниками на мировой арене, а 38% — противниками (данные марта 2002 г.). Если такие "загогулины" в оценках возможны, то до реальной близости весьма и весьма далеко.

На первых порах, в начале американских действий в Афганистане, в России, при всех оговорках официальных источников и масс-медиа, преобладало желание успеха операции. Сейчас явно доминируют другие чувства: опасения в отношении возможного усиления влияния США и своего рода злорадство по поводу того, что США увязнут в Афганистане или в Ираке примерно так, как это случилось с российскими/советскими силами там же, а потом в Чечне. Если всерьез принимать поспешно, без обоснования политический тезис об "общих интересах" противостояния новому терроризму, выдвинутый в сентябре 2001 г., нужно бы желать партнеру не провала, а продуманных и успешных действий.

Кстати, в американском общественном мнении оценка роли России в противодействии международному терро-

* Консерватор. 2002. № 2. 6-12 сент.

Кому, по Вашему мнению, симпатизируют...?
(в % от общего числа опрошенных; 100% по строке)

Национальная группа	США	Террористам	Никому	Не уверен
Американские мусульмане	76	11	3	10
Американские арабы	73	13	2	10
Правительство мусульманских стран	46	35	4	15
Мусульмане в других странах	42	38	3	17
Арабы на Ближнем Востоке	29	50	4	16

Источник: Harris Poll. 2001. Sept. 19-25.

ризму в последнее время заметно ухудшилась. В ноябре 2001 г. 51% американцев (против 32%) полагал, что Россия сделала "достаточно много" для содействия США в борьбе с терроризмом, а в сентябре 2002 г. содействие России считали "достаточным" только 29%, недостаточным — 63% (*Newsweek Poll*).

Конечно, взаимные интересы и обмены, в том числе на индивидуальном уровне, шаг за шагом, вопреки всем конъюнктурным колебаниям, сближают страны. Если искать момент "решающего поворота", то его, скорее всего, стоит отнести к далекому 1989 г., все последующие сдвиги в этом направлении были попытками осуществить начатое тогда.

Не стали более тесными и простыми за год и отношения между США и европейскими странами. Сразу после событий сентября 2001 г. было продемонстрировано единство западных стран против общей угрозы, но после "медового месяца" отношений (выражение из аналитического доклада SOFRES) все более явными становятся расхождения в оценках дальнейших действий, реакция на вынужденное следование предложенному США курсу. Так, даже в Англии проводимую премьером линию на полную поддержку американских действий одобряет несколько более трети населения (*Mori.com*).

Что же касается арабских и мусульманских стран, то, насколько можно судить, их реакции на происходящее после 11 сентября значительно осложнились. Политические (и военно-политические) элиты, связанные с западной экономикой, смогли как будто пригасить явные выражения массового антиамериканского протеста, большинство из них осудили теракты и даже объявили о солидарности с США. В то же время произошла резкая активизация действий боевых сил, выступающих под флагами исламского джихада в таких странах, как Израиль и Индия (Кашмир). Причем по отношению к Израилю стали использоваться организованные атаки террористов-камикадзе (аналогичные акты в Чечне, по-видимому, имели спонтанный характер).

Проблема современной и потенциальной роли ислама как неоднозначного фактора общественного развития на значительной части сегодняшнего мира, естественно, привлекает большое внимание аналитиков и самого общественного мнения. Судя по опросным данным и ряду публикаций, мнения о неизбежной связи мусульманства как такового с террористическими действиями и организациями не разделяются большинством опрошенных в западных странах (распределение мнений в Израиле может быть иным, но это особая проблема). Соответственно, проводимая в этих странах политика исходит из допущения, что радикально-воинственные группы и течения в мусульманском мире могут и должны быть отсечены от его более умеренных вариантов. Как утверждает известный французский исламовед О.Руа, "Исламская радикализация и терроризм находятся на обочине мусульманского мира как в географическом, так и в социологическом плане"

Согласно опросам, в декабре 2001 г. 17% американцев полагали, что в основе действий террористов — учения ислама, но 72% видели в них "извращение ислама" (*Newsweek Poll*). Данные, приведенные в таблице 6, показывают, как американцы представляли себе настроения мусульманского населения в разных странах.

Сразу после событий в США стала обсуждаться проблема отношения к арабам, в том числе живущим в Америке. 32% опрошенных в сентябре предлагали взять их под особый контроль, однако подавляющее большинство (62%) согласилось, что нельзя ставить под подозрение

целые национальные группы (*Newsweek Poll. 2001. Sept. 13-14*). По данным более позднего опроса, 37% американцев сочли, что уровень доверия к арабам в стране снизился, 61% — что он не изменился (*CNN/US Today/Gallup Poll. 2002. March 8-9*).

В то же время 48% американцев (против 30%) выразили беспокойство в связи с тем, что стремление правительства США опереться на "дружественные, но диктаторские" режимы на Ближнем Востоке может привести к росту поддержки исламских экстремистов среди "простых людей" в этих странах (*Newsweek Poll. 2001. Dec.*).

Самая черная фантазия, взбудораженная событиями 11 сентября, — картина смертельной войны между неким условным "Югом" (бывший "третий мир", развивающиеся страны во главе с агрессивными исламистами) против условного "Севера" (США и Европа, возможно, и Россия). В "западной" терминологии, это война прогрессивного или "цивилизованного" человечества против современного "варварства", в терминологии воинствующего мусульманства — война праведной "исламской цивилизации" против неправедной, безбожной и т.д. "иудео-христианской цивилизации". Согласно опросу россиян, угроза развязывания новой мировой войны (сразу после событий в сентябре 2001 г.) казалась реальной 73% опрошенных. В массовом воображении наиболее вероятной представляется такая расстановка сил, в которой союзу США, России и других стран противостоит "мусульманский мир" (29%) либо действия США и их союзников против мусульманских стран, при условии, что Россия остается в стороне (26%) (данные за ноябрь 2001 г.). Примечательно, что вариант войны России с западным блоком как будто исчез из поля массового зрения.

Опасность новой "войны миров" отражается, хотя и заметно слабее, и в последних опросных данных (см. ниже). Материал для работы воображения в таком направлении, конечно, имеется, но это не повышает вероятности самого события. Можно вообразить очередную мировую схватку не как войну "окопную" или "танковую", по уже известным образцам, а как нескончаемую серию террористических актов нарастающей силы, направленных против наиболее развитых стран. Для того чтобы такая угроза стала реальной, требуется, среди прочего, существование некоей хорошо организованной, сплоченной и могущественной боевой силы. До такого образца современному исламскому миру все же далеко.

Изменения ситуации за минувший год можно оценить по ответам российских респондентов на вопрос: "Как Вам кажется, за время, прошедшее с 11 сентября 2001 г..." (в %

* Esprit. P. 73.

от общего числа опрошенных; данные о затруднившихся ответить не приводятся; август 2002 г.):

Вариант ответа	%
Россия и Соединенные Штаты стали:	
ближе друг к другу	35
ни ближе, ни дальше	53
дальше друг от друга	6
Страны мира:	
сплотились перед угрозой мирового терроризма	34
единства не удалось достичь	47
отдалились друг от друга	8
Угроза подобных террористических актов:	
уменьшилась	12
не изменилась	50
увеличилась	31
Опасность новой мировой войны:	
уменьшилась	16
не изменилась	46
увеличилась	27

Спустя год после террористического нападения на США эмоциональные оценки произошедшего притупились, представления рутинизировались, образ новых опасностей подобного масштаба в массовом сознании остался, но потускнел, отодвинулся на дальний план. Можно допустить, что, случись сегодня что-либо подобное, его восприятие в разных странах и на разных уровнях оказалось бы значительно менее тревожным. "Привычка свыше нам дана" даже по отношению к самым чудовищным событиям. Но причины "тех" событий сохранились, как и люди, организации, массовые страсти, к ним причастные, а также им противостоящие. На уровне глубинных факторов, корней противостояние может быть лишь долгим и трудным. Фигурально выражаясь, "последний бой", Армагеддон образца XXI века, оказывается растянутым во времени, причем это время не политических акций, а скорее цивилизационных периодов.

Подытоживая приведенные выше данные и предположения, можно сказать, что события 11 сентября 2001 г. обозначили новую опасность, грозящую человечеству. Минувший после этих событий год приковал внимание политиков и аналитиков к ряду проблем, которые ранее часто недооценивались или считались локальными, преходящими. Но все конкретные действия, предпринятые или начатые кем бы то ни было за это время, равно как и многочисленные политические декларации касались лишь видимой "верхушки айсберга", почти не затрагивая его основания, т.е. причин и истоков наблюдаемых событий.

К тому же такое направление действий, как заявленное на уровне политического руководства России сплочение "цивилизованных сил" против "современного варварства", принципиально важное для развития положения в мире, в частности, для внутренней и внешней изолированности России от мировых процессов, было лишь обозначено, но далеко не реализовано. Иного, скорее всего, произойти не могло при наличных политических и общественных предпосылках, при данном раскладе действующих на отечественной и мировой арене сил. Никакими политическими или военно-политическими и т.п. акциями не могут преодолеваться проблемы цивилизационного уровня, да и требуемые для этого сроки превосходят время политических расчетов и даже политического воображения. Тем более важно попытаться перенести подобную проблематику в поле социально-научного анализа.

"Конфликт цивилизаций"? Одним из следствий шока 11 сентября явилось оживление интереса масс-медиа и околонучной литературы к понятиям "цивилизация",

"миры", никогда и никем не разработанных до научной убедительности и ясности, принадлежавших скорее словарю социально-исторической публицистики. Не разбирая соответствующие дефиниции, ограничусь тем "рабочим" уровнем определенности, который кажется достаточным для интересующего нас анализа "лавинных" процессов в мировом сообществе, наглядно обнаруженных в "послесентябрьский" год. Цивилизационные феномены, как они видны в современном социологическом анализе, — это некоторая устойчивая обособленность установок, стереотипов, ценностных и поведенческих норм, характерных для сообществ, сформировавшаяся в различных социально-исторических условиях, в рамках различных религиозных, этических, государственных образований. Разделяющие рамки, очевидно, можно трактовать по разным основаниям, используя различные масштабы, оптику и пр. В соответствующих (практически релятивистских) контекстах правомерными могут быть сопоставления "восточной" и "западной" цивилизации, "христианской (или иудео-христианской)" и "мусульманской", "индуистской" и др., античной и средневековой и т.д. Жесткие и абсолютизированные деления, предлагавшиеся, например А. Тойнби, относятся к теоретически реконструированному историческому прошлому. Только в такой ретроспективной исторической модели и можно обнаружить обособленно существующие цивилизационные структуры.

Сегодня же мы наблюдаем и переживаем совершенно иной феномен — взаимодействие людей и групп из давно расколотых, утративших замкнутость цивилизационных образований, захваченных модернизационными процессами на различных фазах (и, как представляется, на различных "линиях", путях развития). Это взаимодействие, как показал минувший век, весьма сложно, противоречиво, взрывоопасно, возможно, даже смертельно опасно для "либерального" проекта человечества, но и для самого существования последнего. Сталкиваются интересы, привычные нормы и ценности "старожилов" современного мира и "новоприбывших", стремящихся, а точнее, вынужденных, приобщаться к результатам (благам, инструментам, нормам, ограничениям) этого мира, не пройдя многовековой исторической "приготовительной школы". Самые тяжелые конфликты ценностей и претензий на протяжении примерно столетия складываются у "порога" современного мира. Оговорюсь еще раз: различия "старых" и "новоприбывших" его обитателей условны, подвижны; под определенным углом зрения к числу "новоприбывших" относятся не только бывшая сфера европейской колонизации, но и Россия, и ряд других европеизированных стран. Как условен и образ "порога", каких-то врат современности. Даже формально "аттестат зрелости" (гражданской, цивилизационной) ООН, воплощающая стандарт образцово-универсального политического сознания, выдает странам, находящимся на разных путях и фазах модернизации.

Последний термин далеко не столь ясен, как казалось сторонникам моделей универсального прогресса. Модернизация иногда представляется некоторой универсальной осью, с которой соотносятся изменения в экономической, социальной, технической, коммуникативной, межличностной и прочих сферах во всем мире примерно за два-три последних столетия.

Но модель такой оси не обязательно предполагает "однолинейность" реальных процессов изменений, возможность сопоставления различных стран, обществ, институтов с помощью какой-то единой меры, универсального индикатора. Можно ведь представить себе, что различные страны и общества *разными путями* в разных исторических, политических, религиозных и прочих об-

стоятельствах, даже в разном порядке осваивают институциональные характеристики модернизации. Ни "технического", ни "экономического" детерминизма в глобальном масштабе не существует, поскольку инструментальные и консуматорные (конечные, потребляемые) блага оказываются доступными на разных уровнях развития, скажем, ракетно-ядерное вооружение в Китае или экономические блага и банковская система в Саудовской Аравии и т.д.

Разумеется, это возможно только потому, что никакие пути трансформаций, как бы своеобразны они ни были, не могут быть обособленными друг от друга. Как раз на их *пересечении* возникают самые острые проблемы современности вплоть до воображаемой "войны миров". Повидимому, в этом котле и оформились те заряды напряженности, претензий, ненависти, которые вырвались наружу 11 сентября. Кто бы ни были исполнители или организаторы террористической акции, за их спинами не просто зависть и ненависть "бедных", обращенная против "богатых", а скорее претензии "новопришедших" к "уже устроившимся", облаченные в полевую форму религиозного фанатизма.

В известной книге С. Хантингтона неоднократно повторяется тезис о двух типах модернизации — "западной" и "незападной"* . Нынешнее "Исламское Восстание" (Resurgence), по мнению автора, означает "принятие модерности, отрицание западной культуры и новое обращение к исламу как руководству к жизни"***. Тезис представляется плодотворным, это, видимо, наиболее интересная позиция в книге, хотя дихотомия "Запад—Незапад" слишком упрощает проблему. В нее не укладываются ни "тоталитарная" модернизация в советском, китайском, германском, итальянском и других вариантах, ни разнообразие "исламской" модернизации, например, в Иране, эмиратах, Магрибе и т.д. Представление о различных типах модернизации нуждается в обстоятельной разработке.

Различные страны и сообщества могут приобщаться к современной цивилизационной модели в принципе потому, что эта модель универсальна, точнее, может служить универсальной "шапкой" для разных типов общества. Это не особая цивилизация, типологически сопоставимая с рядом других, а "суперцивилизация", накладывающая свои институты на разные основы и варианты. На первых порах и до сего времени она выглядит не как единство, а лишь как взаимосвязь различных социальных структур (как бы "интерцивилизация").

В конце XIX — начале XX вв. весьма острой была проблема инкорпорации в европейско-американское общество рабочих. Существовали опасения (или надежды) относительно того, что этот слой, на лидерство в котором претендовали революционные террористы — анархисты и другие крайне левые, может взорвать общество.

На протяжении столетия эта проблема была решена. Сто лет спустя еще большую остроту приобрела проблема эффективной инкорпорации в общество (в мировом масштабе, т.е. в сообщество развитых цивилизованных стран) бывшего "третьего мира". Возможно, для ее успешного решения, если считать его возможным, потребуются более одного столетия. С проявлениями этой проблемы, как представляется, столкнулся мир 11 сентября 2001 г.

* "Модернизация не обязательно означает вестернизацию... Модернизация укрепляет (незападные) культуры и уменьшает относительную мощь Запада. В принципе мир становится более современным и менее западным" (Huntington S.P. The Clash of Civilization and the Remaking of World Order. N.Y., 1997. P. 78).

** Ibid. P. 109-110.

Екатерина ЛЕВИНТОВА

Политический дискурс в контексте общественного мнения в постсоветской России (1992–2001 гг.)*

1. Постановка вопроса и задачи исследования.

В предыдущей статье автора** описывались тенденции в развитии дискурса интеллектуальной элиты с 1992 по 2001 г. Эволюция дискурса элиты шла в сторону авторитаризма, идеологического консерватизма, умеренно антизападнических и националистических ориентации. Если в начале постсоветского периода для интеллектуальной элиты "идеалом" политико-экономического устройства было демократическое государство с либеральной идеологией и свободно-рыночной моделью экономики, находящееся в дружеских отношениях как с Западом, так и с Востоком и строящее свою национальную политику на идеях национального и этнического равенства и терпимости, то нынешним "идеалом" для нее является авторитарное государство с государственнической идеологией, стремящееся к многополярности мирового порядка, строящее свою национальную политику на националистических идеях, но со свободно-рыночной экономикой.

Чем же вызваны столь серьезные изменения в риторике элиты? В конце предыдущей статьи ставилась новая исследовательская задача — выявить, насколько переменны в дискурсе элиты соответствуют изменениям в общественном мнении в постсоветский период. Иными словами, для автора было важно узнать, чьими интересами руководствуется интеллектуальная элита при создании своего дискурса — строится ли ее риторика на клановых интересах или она отражает мнение большинства населения. При такой постановке вопроса могут быть выявлены как пределы (конкретные области и обстоятельства) влияния общественного мнения на элиты, так и возможности элит манипулировать общественным мнением, насаждая ему собственные ценности.

В данной статье ставятся следующие задачи: 1) описать и сравнить тенденции в эволюции общественного мнения и дискурса интеллектуальной элиты; 2) выявить возможную причинно-следственную связь между общественным мнением и дискурсом интеллектуальной элиты или, по меньшей мере, показать, движутся ли общественное мнение и дискурс интеллектуальной элиты в одном и том же направлении; 3) определить области и обстоятельства, в которых общественное мнение способно воздействовать на дискурс интеллектуальной элиты, и наоборот.

* Данное исследование проводилось при частичной поддержке Программы обмена региональными исследователями, финансируемой Бюро образовательных и культурных программ Государственного Департамента США на основании Акта Фулбрайт-Хейз (Fulbright-Hays Act of 1961 as amended) и проводимой Американским Советом по международному образованию (ACTR/ACCELS), а также при частичной финансовой поддержке Американского Совета по международным исследованиям и обменов АЙРЕКС (IREX), распоряжающегося средствами, выделенными Национальным гуманитарным фондом (National Endowment for the Humanities), Государственным Департаментом США (US Department of State, Title VIII Program) и Фондом поддержки ученых АЙРЕКС (IREX Scholar Support Fund). Ни одна из упомянутых организаций не несет ответственности за отраженные в статье взгляды. Автор благодарит профессоров Л.Д.Гудкова и Б.В.Дубина (Отдел социально-политических исследований ВЦИОМ) за высказанные замечания и дополнения.

** Политический дискурс в постсоветской России // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2002. № 2. С. 16-26.